

## Идентичность в теории и прикладных исследованиях

### Identity in theory and applied research

Оригинальная статья / Original paper  
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624>

EDN: OXHUTD

#### Сказать и назвать: декларируемая и вербализованная территориальная идентичность на Северо-Востоке России

**И.А. Данилов**

*Институт гуманитарных исследований  
и проблем малочисленных народов Севера  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Якутск, Российская Федерация  
[igor\\_danilov\\_2000@mail.ru](mailto:igor_danilov_2000@mail.ru)*

**Резюме.** Статья посвящена изучению соотношения между декларируемой важностью территориальной идентичности и способностью вербализовать ключевые территориальные концепты у жителей Северо-Востока России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубины и содержательной наполненности территориальной идентичности в полиэтничных регионах. Цель исследования – выявить корреляции между декларируемой важностью российской и региональной идентичностей и способами концептуализации большой и малой родины. Эмпирическую базу составили данные репрезентативного социологического опроса 1436 респондентов в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе, проведенного в марте–апреле 2024 года. Методология исследования сочетает традиционные опросные методы с психолингвистической техникой субъективной дефиниции, позволяющей получить спонтанные вербальные реакции на стимулы «Большая родина – это...» и «Малая родина – это...». Анализ основывался на разработанной 20-категориальной типологии территориальной идентичности, сгруппированной в пять основных блоков: пространственные конкретные, пространственные абстрактные, темпоральные, социальные категории и нулевые реакции. Результаты демонстрируют существенный разрыв между декларативным и вербальным уровнями территориальной идентичности: при высокой декларируемой значимости территориальной принадлежности треть опрошенных не смогли вербализовать содержание концептов родины. Установлена градиентная корреляция между важностью российской идентичности и государственно-ориентированной концептуализацией большой родины: большинство респондентов с максимальной весомостью российской идентичности определяют большую родину через категорию «страна». Региональная идентичность демонстрирует более сложную, нелинейную связь с концептом малой родины, который концептуализируется преимущественно через биографически-темпоральные категории и локально-территориальные представления. Выявлены существенные межрегиональные различия: в Якутии наблюдается сбалансированное соотношение региональной и российской

идентичностей при большом разнообразии способов концептуализации родины; в Чукотке доминирует российская идентичность при более унифицированных территориальных представлениях. Полученные данные расширяют понимание механизмов формирования территориальной идентичности и обосновывают необходимость комплексного подхода, учитывающего не только эмоциональную значимость, но и когнитивную проработанность идентификационных процессов.

**Ключевые слова:** территориальная идентичность, российская идентичность, региональная идентичность, большая родина, малая родина, Северо-Восток России, Якутия, Чукотка.

**Для цитирования:** Данилов И.А. Сказать и назвать: декларируемая и вербализованная территориальная идентичность на Северо-Востоке России. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 607–624. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624> EDN: OXHUTD

**Благодарности.** Исследование проведено по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.). Руководитель программы – академик РАН В.А. Тишков. Автор выражает благодарность руководителю проекта к.полит.н. О.В. Васильевой за внимательное прочтение рукописи и ценные замечания, способствовавшие улучшению статьи.

## To say and to name: Declared and verbalized territorial identity in Northeastern Russia

**I.A. Danilov**

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North  
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Yakutsk, Russian Federation  
igor\_danilov\_2000@mail.ru*

**Abstract.** This article examines the relationship between the declared importance of territorial identity and the ability to verbalize key territorial concepts among residents of Northeast Russia. The research is driven by the need to understand the depth and content of territorial identity in multiethnic regions. The study aims to identify correlations between the declared importance of Russian and regional identities and the ways in which the concepts of ‘big’ and ‘small’ homelands are conceptualized. The empirical basis consists of data from a representative sociological survey of 1436 respondents in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Chukotka Autonomous District, conducted in March–April 2024. The research methodology combines traditional survey methods with the psycholinguistic technique of subjective definition, which allows for the collection of spontaneous verbal responses to the stimuli “Big homeland is ...” and “Small homeland is ...”. The analysis is based on a developed 20-category typology of territorial identity, grouped into five main blocks: specific spatial, abstract spatial, temporal, social categories, and null responses. The results demonstrate a considerable gap between the declarative and verbal levels of territorial identity: despite a high declared significance of territorial belonging, one-third of respondents could not verbalize the content of the homeland concepts. A gradient correlation was established between the importance of Russian identity and the state-oriented conceptualization of the large homeland: most respondents who

assigned maximum weight to Russian identity define the large homeland through the category “country”. Regional identity demonstrates a more complex, non-linear relationship with the concept of the small homeland, which is primarily conceptualized through biographical-temporal categories and local-territorial representations. Significant interregional differences were revealed: in Yakutia, there is a balanced ratio of regional and Russian identities with a greater diversity in the ways of conceptualizing the homeland; in Chukotka, Russian identity dominates, with more unified territorial representations. These findings broaden the understanding of the mechanisms of territorial identity formation and justify the need for an integrated approach that considers not only the emotional significance but also the cognitive elaboration of identification processes.

**Keywords:** territorial identity, Russian identity, regional identity, big homeland, small homeland, Russia’s Northeast, Yakutia, Chukotka.

**For citation:** Danilov I.A. (2025) To say and to name: Declared and verbalized territorial identity in Northeastern Russia. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 607–624. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624> (In Russ.)

**Acknowledgements.** The research was conducted within the project “Patriotism of the Peoples of Russia’s Northeast: Big and Small Homeland in the Narratives of Residents of Yakutia and Chukotka” as part of the Program of Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society Aimed at Strengthening Russian Identity, 2023–2025 (Order of the President of the Russian Federation No. Pr-71 dated January 16, 2020). Program Director – Academician of RAS V.A. Tishkov. The author expresses gratitude to the project leader, Candidate of Political Sciences O.V. Vasilyeva, for her careful reading of the manuscript and valuable comments that contributed to improving the article.

Территориальная идентичность представляет собой один из компонентов социальной самоидентификации, особенно значимый в условиях полиэтнических регионов с выраженной спецификой исторического развития и современного социокультурного ландшафта. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, «реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени» (Бергер, Лукман, 1995: 42). Однако это «здесь» не сводится к простой географической координате, через него формируется образ «Я – член территориальной общности», который имеет не столько пространственную, сколько социальную природу, определяясь накопленным биографическим опытом и способами восприятия социального пространства (Шматко, Качанов, 1998: 94).

Такая социальная природа территориальной идентичности проявляется в ее консолидирующей функции, позволяя индивидам не только определять свое положение в пространстве, но и объединяться вокруг общих интересов в рамках конкретных территориальных образований (Рой, 2024: 215). Таким образом, именно через механизмы территориальной идентификации происходит трансформация географического пространства в социально значимое место, где индивидуальное «здесь» становится коллективным «наше».

В каждом регионе процесс формирования этого коллективного «наше» наполняется особым содержанием, которое определяется местными условиями

жизни и культурно-историческими традициями восприятия пространства. Северо-Восток России, включающий такие национальные субъекты федерации, как Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ, представляет особый интерес для изучения механизмов формирования и вербализации территориальной идентичности. Здесь субъективное ощущение пространства и связанная с ним социальная идентификация формируется под влиянием уникального сочетания факторов: экстремальные природно-климатические условия, этническое и языковое многообразие, удаленность от федерального центра, специфика экономического развития и др.

Необходимо отметить, что исследования территориальной идентичности опираются преимущественно на прямые вопросы о важности и степени выраженности территориальной принадлежности. Такой подход позволяет получить декларативные оценки, отражающие социально одобряемые или рефлексивно осознаваемые аспекты идентичности. Вместе с тем остается открытым вопрос о когнитивной глубине и содержательной наполненности декларируемых идентификаций. Насколько заявляемая важность территориальной принадлежности коррелирует со способностью вербализировать содержание соответствующих концептов? Существует ли разрыв между значимостью территориальной идентичности и ее концептуальной проработанностью в сознании респондентов?

Эта методологическая проблема усложняется в контексте сосуществования различных уровней территориальной идентичности: глобального (универсального), наднационального (межконтинентального, субконтинентального), национального/государственного, регионального и локального вплоть до места проживания или дома (Михайлов, Рунге, 2019: 56). Такая множественность создает сложную иерархическую систему идентичностей, в которой разные уровни могут находиться в противоречивых отношениях друг с другом, порождая напряжения в процессах социальной консолидации (Рой, 2024: 223). Исследователи также отмечают, что территориальная идентичность «в социальной и политической практике остается ключевым коллектором таких видов идентичности, как этническая, гражданская, конфессиональная и др., часто «растворяя» их в себе, но при этом придавая им «особые» оттенки, маркируя ее носителей» (Мокин, Барышная, 2023: 102).

Одним из ключевых способов вербализации этой сложной системы территориальных идентичностей выступают концепты «родины» – как большой, так и малой. Эти культурные конструкты служат основными смысловыми рамками, через которые осмысливается территориальная принадлежность. Однако их содержательное наполнение может существенно варьироваться в зависимости от множества факторов: этнической принадлежности, пола, возраста, региона проживания, а также, вероятно, миграционной истории, уровня образования и других социальных характеристик.

Учитывая обозначенные методологические проблемы и особую роль концептов родины в структуре территориальной идентичности, цель исследования состоит в выявлении и анализе соотношения между декларируемой важностью

различных уровней территориальной идентичности (российской и региональной) и способностью респондентов вербализировать содержание ключевых территориальных концептов («Большая родина» и «Малая родина») среди жителей Северо-Востока России. Фокус на государственном (российском) и региональном уровнях обусловлен их особой значимостью в условиях субъектов федерации с выраженной этнокультурной спецификой.

### *Материалы исследования*

Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» (рук. к.полит.н. О.В. Васильева) в период с марта по апрель 2024 г. в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе. Выборка формировалась по квотному принципу с учетом половозрастной структуры населения регионов, что обеспечило ее репрезентативность. В Республике Саха (Якутия) было опрошено 1066 респондентов при погрешности не более 3%, в Чукотском автономном округе – 370 респондентов при погрешности не более 5% (при доверительной вероятности 95%). Общий объем выборки составил 1436 человек.

Для анализа в рамках настоящей статьи из общего массива данных были отобраны ответы на следующие вопросы анкеты. Во-первых, это закрытые вопросы, измеряющие декларируемую важность территориальной идентичности: «Насколько для Вас важно осознавать себя жителем РС(Я)/ЧАО?» и «Насколько для Вас важно осознавать себя гражданином России, россиянином?». Для обоих вопросов использовалась трехбалльная шкала с вариантами ответов «очень важно», «важно», «неважно». Во-вторых, анализировались ответы на открытые вопросы о содержании территориальных концептов. Респондентам предлагалось завершить фразы «Малая родина – это...» и «Большая родина – это...».

Использование психолингвистической техники субъективной дефиниции позволило получить спонтанные вербальные реакции, отражающие субъективные представления о родине. Поскольку эти вопросы задавались после блока о патриотических установках, можно предполагать активизацию соответствующих когнитивных и эмоциональных состояний у респондентов, что способствовало получению более глубоких и личностно значимых ответов. При этом проведение опроса на русском языке создало единое коммуникативное пространство для всех участников, хотя и могло ограничить возможности вербализации этнокультурной специфики для носителей языков коренных народов. Отметим, что реакции на эти стимулы были предварительно проанализированы в рамках предыдущей статьи (Данилов, Степанова, 2025), поэтому данное исследование выступает логическим продолжением, фокусируясь на взаимосвязи между декларируемой важностью разных уровней территориальной идентичности и способами концептуализации родины в ее больших и малых измерениях.



*Результаты и обсуждение*

Анализ полученных вербальных реакций осуществлялся на основе выявленных ранее 20 категорий территориальной идентичности (Данилов, Степанова, 2025: 31–33). В процессе вторичного анализа категории представлений о родине обобщены в пять основных групп: пространственные конкретные категории (с географической конкретизацией), пространственные абстрактные категории (без географической конкретизации), темпоральные категории (связанные с биографическим временем), социальные категории (отражающие межличностные связи) и нулевая категория (отсутствие реакции). Подробная структура этой типологии представлена в таблице 1, которая демонстрирует весь спектр выявленных способов концептуализации территориальной принадлежности: от глобальной идентичности планетарного масштаба до интимно-личностной привязанности к дому и семье.

Таблица 1

**Типология категорий территориальной идентичности  
в представлениях респондентов о родине**

№	Категории	Примеры реакций	Характеристика идентичности
	1. Пространственные (конкретные) категории		
1	Земля	‘Земля’, ‘наша планета Земля’, ‘планета Земля’	Глобальная идентичность без границ, универсальная принадлежность к планете
2	Страна (Россия)	‘Россия’, ‘РФ’, ‘Российская Федерация’, ‘наша Россия’, ‘моя Россия’ и др.	Государственная идентичность, гражданская принадлежность к стране
3	Страна (СССР)	‘СССР’, ‘Советский союз’	Историческая идентичность, связь с советским прошлым, ностальгическая память
4	Макрорегион	‘Сибирь’, ‘Дальний Восток’, ‘Север’	Макрорегиональная идентичность с общими природными и историческими чертами
5, 6	Регион (Якутия/Чукотка)	‘Якутия’, ‘РС(Я)’, ‘Чукотка’, ‘ЧАО’ и др.	Региональная идентичность с выраженной этнокультурной и территориальной спецификой
7	Район	‘Таатта’, ‘Амгинский улус’, ‘Алданский район’ и др.	Локальная идентичность с точной административно-территориальной привязкой
8	Населенный пункт	‘Якутск’, ‘Анадырь’, ‘Батагай’, ‘Ваеги’ и др.	Местная идентичность, непосредственная связь с конкретным поселением

<b>2. Пространственные (абстрактные) категории</b>			
9	Страна	<i>‘страна’, ‘моя страна’, ‘вся страна’, ‘страна, в которой живу’</i> и др.	Обобщенная государственная идентичность без указания конкретной страны, осознание принадлежности к государству как таковому
10	Регион	<i>‘мой регион’, ‘наша республика’, ‘республика’, ‘регион, в котором живу’</i> и др.	Обобщенная региональная идентичность без конкретизации, осознание региональной принадлежности
11	Район	<i>‘район’, ‘улус’, ‘родной улус’, ‘мой улус’, ‘наш район’</i> и др.	Обобщенная локальная идентичность без указания конкретного района, привязанность к районному административному образованию
12	Населенный пункт	<i>‘родная деревня’, ‘город’, ‘мое село’</i> и др.	Обобщенная местная идентичность, основанная на типе населенного пункта и личном восприятии места жительства без его наименования
<b>3. Темпоральные категории</b>			
13	Место, где живешь	<i>‘где я живу’, ‘мое место жительства’</i> и др.	Актуальная территориальная идентичность, основанная на текущем местоположении, отражающая современную мобильность и прагматизм
14	Место, где жили / живут предки	<i>‘где родились и жили предки’; ‘места, по которым кочевали предки’; ‘там, где родились родители’</i> и др.	Историко-генеалогическая идентичность, связь с родовыми корнями и культурным наследием через территорию предков
15	Место, где родился и вырос	<i>‘где я родился и вырос’, ‘где прошло мое детство’, ‘место, в котором родился’</i> и др.	Биографическая идентичность раннего периода жизни, эмоциональная привязанность к месту формирования личности
16	Место, где родился и живешь	<i>‘где я родился и живу’</i> и др.	Устойчивая территориальная идентичность, непрерывная связь с местом рождения на протяжении всей жизни
<b>4. Социальные категории</b>			
17	Народ	<i>‘народ’, ‘мой народ’, ‘наш народ’</i>	Этнокультурная идентичность, принадлежность к общности с единым языком, традициями и историей
18	Семья	<i>‘семья’, ‘моя семья’</i>	Родственная идентичность, эмоциональная привязанность к кругу близких людей как основе социальной поддержки
19	Дом	<i>‘дом’, ‘мой дом’, ‘свой дом’, ‘родной дом’, ‘отчий дом’</i>	Бытовая идентичность, личное пространство как центр жизненного уклада и эмоциональной безопасности

5. Нулевая категория			
20	Отсутствие реакции	Нет реакции	Отсутствие явной территориальной идентичности или ее неактуализированный (латентный) характер, возможное следствие миграционной мобильности, смешанной идентичности или ценностного безразличия к концепции родины

Данная типология послужила основой для анализа взаимосвязей между декларируемой важностью территориальной (региональной и российской) идентичности и конкретными способами вербализации концептов большой и малой родины.

Концептуализация российской и региональной идентичности как территориальных требует пояснения. Безусловно, российская и региональная идентичность включают правовые, политические и культурные компоненты, выходящие за рамки простой территориальной привязки. Исследователи выделяют два измерения российской идентичности – государственное и национально-гражданское (Дробижева, Рыжкова, 2010: 121). Для нашего исследования особенно релевантно первое измерение, поскольку российская государственная идентичность проявляется именно через «осознание общности в пределах государства» и «причастность к территориальному пространству» (Дробижева и др., 2013: 27). Значимость территориального компонента российской идентичности подтверждается эмпирическими данными: согласно исследованиям в регионах Азиатской России, при ответе на вопрос об объединяющих факторах с другими гражданами страны респонденты после «общего государства» вторым по значимости называли именно «родную землю, территорию, природу» (Томаска, 2023: 44). Региональная идентичность также имеет выраженную территориальную природу, она фокусируется на географически фиксируемой территории (Головнёва, 2013: 43). В контексте изучения пространственных представлений о родине ключевым становится именно этот территориальный аспект обеих идентичностей – их соотнесенность с конкретными географическими единицами разного масштаба. Гражданин России и житель субъекта – это прежде всего указания на территориальную принадлежность к стране и региону. Именно этот пространственный компонент позволяет исследовать, как декларируемая важность принадлежности к территориальным сообществам разного уровня коррелирует с вербализацией концептов большой и малой родины.

Исходя из такого понимания территориальных идентичностей, обратимся к анализу их значимости для респондентов. В таблице 2 представлены данные о декларируемой важности осознания себя жителем региона и гражданином России.



Таблица 2

**Степень выраженности региональной и российской идентичности  
в самосознании населения Северо-Востока России, %**

Уровень	Регион	Очень важно	Важно	Неважно
Осознавать себя жителем региона	Якутия	48,8	42,6	6,9
	Чукотка	37,3	45,7	17
	Северо-Восток (в целом)	45,8	43,4	9,6
Осознавать себя гражданином России	Якутия	52,5	41,45	4,2
	Чукотка	64,9	31,1	4,1
	Северо-Восток (в целом)	55,7	38,8	4,2

Представленные данные позволяют увидеть важную особенность территориальной идентичности жителей Северо-Востока России. Так, подавляющее большинство респондентов (более 90%) считают значимым осознавать себя как жителем региона, так и гражданином России. Минимальная доля тех, кто считает эти идентичности неважными, свидетельствует о сформированности многоуровневой территориальной идентичности, где региональный и государственный компоненты не противопоставляются, а дополняют друг друга. Высокие показатели российской идентичности в обоих регионах отражают общероссийскую динамику: если в начале 2000-х годов российская идентичность не занимала доминирующих позиций, то к 2011–2012 гг. она стала наиболее распространенной в регионах с русским большинством, а в настоящее время утвердилась как приоритетная и в национальных субъектах федерации (Васильева, 2025: 90).

При этом межрегиональные различия весьма существенны. Если в Якутии наблюдается относительный баланс между региональной и российской идентичностями (разница между долей считающих «очень важным» быть жителем региона (48,78%) и гражданином России (52,54%) составляет менее 4%), то в Чукотке картина принципиально иная. Здесь российская идентичность явно доминирует: 64,86% считают очень важным быть гражданином России против 37,3% для региональной принадлежности. Показательно также, что в Чукотке почти в три раза выше доля тех, кто считает неважным осознавать себя жителем региона (17,03% против 6,95% в Якутии), хотя отношение к российской идентичности в обоих регионах практически идентично.

Такие различия в соотношении территориальных идентичностей создают разный социокультурный контекст для формирования представлений о большой и малой родине, что, предположительно, должно отразиться и в способах их вербализации. Для проверки этого предположения обратимся к корреляционному анализу.

Исследование показывает, что подавляющее большинство ответов о большой родине сконцентрировано в нескольких основных категориях. Рассмотрим, как распределяются эти доминирующие способы концептуализации в зависимости от значимости российской идентичности (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение основных вербальных категорий концепта  
«Большая родина» по степени важности российской идентичности, чел.**

Вербальная категория	Регион	Степень важности		
		Очень важно	Важно	Неважно
Страна (Россия)	Якутия	147	96	4
	Чукотка	84	33	4
	<i>Всего</i>	<i>231</i>	<i>129</i>	<i>8</i>
Страна (абстрактно)	Якутия	181	119	6
	Чукотка	79	25	4
	<i>Всего</i>	<i>260</i>	<i>144</i>	<i>10</i>
Регион (Якутия/Чукотка)	Якутия	15	12	2
	Чукотка	1	0	1
	<i>Всего</i>	<i>16</i>	<i>12</i>	<i>3</i>
Регион (абстрактно)	Якутия	16	14	3
	Чукотка	0	1	0
	<i>Всего</i>	<i>16</i>	<i>15</i>	<i>3</i>
Место, где живешь	Якутия	21	21	0
	Чукотка	2	4	0
	<i>Всего</i>	<i>23</i>	<i>25</i>	<i>0</i>
Отсутствие реакции	Якутия	162	156	29
	Чукотка	65	50	5
	<i>Всего</i>	<i>227</i>	<i>206</i>	<i>34</i>

Итак, корреляционный анализ взаимосвязи между декларируемой важностью российской идентичности и спонтанной вербализацией концепта «Большая родина» жителями Якутии и Чукотки выявляет сложную структуру территориальной идентификации в полиэтнических регионах Северо-Востока России. Центральным результатом исследования является обнаружение устойчивой положительной корреляции между высокой оценкой важности российской идентичности и государственно-ориентированными вербальными категориями территориальной идентификации.

В группе респондентов, для которых осознание себя гражданином России «очень важно» ( $n=799$ ), доминируют две категории ответов: конкретная «Страна (Россия)» составляет 231 ответ или 28,9%, а абстрактная категория «Страна» представлена 260 ответами или 32,5%. Суммарно эти государственно-ориентированные категории охватывают 61,4% всех вербализаций данной группы, что свидетельствует о высокой согласованности между декларативным и вербальными уровнями российской идентичности. Примечательно, что данная корреляция носит градиентный характер: доля упоминаний России как Большой родины последовательно снижается при уменьшении субъективной важности российской идентичности: от 28,9% в группе с максимальной важностью до 23,2% при средней важности и лишь 13,3% при низкой важности. Аналогичная, хотя и менее выраженная динамика наблюдается для абстрактной категории «Страна»,

демонстрирующей снижение с 32,5% до 25,9% и 16,7% соответственно. Отметим, что выявленная закономерность сохраняется в обеих региональных выборках, подтверждая универсальность связи между декларируемой российской идентичностью и вербализованным восприятием страны как родины.

Особый интерес представляет присутствие региональных идентификаторов в ответах на вопрос о большой родине, что на первый взгляд может показаться парадоксальным. Так, в Якутии 15 человек из категории «очень важно» назвали большой родиной именно Якутию, в то время как в Чукотке только один респондент указал свой регион. Это различие становится еще более значимым на фоне общих показателей: якутяне чаще склонны воспринимать свой регион как большую родину независимо от силы российской идентичности. Данный факт согласуется с выявленным ранее более сбалансированным соотношением региональной и российской идентичностей в Якутии.

Анализ также выявляет существование альтернативных моделей концептуализации большой родины, не связанных напрямую с государственной принадлежностью. Темпоральная категория «Место, где живешь» фиксируется в 48 случаях, что составляет 3,3% от общей выборки, и демонстрирует относительную независимость от уровня российской идентичности – она практически равномерно распределена между респондентами с высокой (23 ответа) и средней (25 ответов) важностью. Это указывает на то, что для данной группы респондентов понятие родины имеет скорее экзистенциальный, нежели политико-административный характер. При этом показательно, что среди всех респондентов, определивших большую родину через темпоральные категории, не нашлось ни одного, кто считал бы неважным осознавать себя гражданином России. Такая закономерность свидетельствует о том, что экзистенциальное переживание места как родины не вступает в противоречие с российской идентичностью, а образует с ней комплементарную связь, где локальная укорененность служит основанием для более широкой государственной принадлежности.

Наиболее значимым и одновременно тревожным результатом исследования является крайне высокая доля нулевых реакций – 481 случай или 33,5% от общей выборки. Критически важно, что даже в группе респондентов с максимальной декларируемой важностью российской идентичности 227 человек (28,4%) не смогли предложить никакой вербализации концепта большой родины. Этот показатель закономерно возрастает при снижении важности российской идентичности, достигая 37,1% в группе со средней важностью и 56,7% в группе с низкой важностью. Как нам кажется, такая картина свидетельствует о существенном разрыве между эмоциональным и когнитивным компонентами идентичности, когда респонденты могут испытывать сильную эмоциональную привязанность к идее гражданства, но при этом затрудняются с ее содержательным наполнением.

Подытоживая, относительно региональных различий отметим, что в Чукотке наблюдается более однородная картина: подавляющее большинство ответов сконцентрировано вокруг страны (как конкретно, так и абстрактно) при ми-

нимальном разнообразии других вариантов. В Якутии спектр ответов шире, включая различные уровни территориальной идентификации от населенного пункта до макрорегиона.

Если в случае с большой родиной наблюдалась относительно четкая корреляция между декларируемой важностью российской идентичности и государственно-ориентированными вербальными категориями, то картина малой родины оказывается существенно более сложной и многомерной (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение основных вербальных категорий концепта  
«Малая родина» по степени важности региональной идентичности, чел.**

Вербальная категория	Регион	Степень важности		
		Очень важно	Важно	Неважно
Регион (Якутия/Чукотка)	Якутия	52	39	3
	Чукотка	27	28	14
	<i>Всего</i>	<i>79</i>	<i>67</i>	<i>17</i>
Регион (абстрактный)	Якутия	21	34	5
	Чукотка	11	7	0
	<i>Всего</i>	<i>32</i>	<i>41</i>	<i>5</i>
Район (конкретный)	Якутия	6	3	0
	Чукотка	0	0	0
	<i>Всего</i>	<i>6</i>	<i>3</i>	<i>0</i>
Район (абстрактный)	Якутия	31	21	0
	Чукотка	1	2	0
	<i>Всего</i>	<i>32</i>	<i>23</i>	<i>0</i>
Населенный пункт (конкретный)	Якутия	13	15	3
	Чукотка	8	4	0
	<i>Всего</i>	<i>21</i>	<i>19</i>	<i>3</i>
Населенный пункт (абстрактный)	Якутия	83	56	13
	Чукотка	10	11	6
	<i>Всего</i>	<i>93</i>	<i>67</i>	<i>19</i>
Место, где родился и вырос	Якутия	97	81	15
	Чукотка	29	53	11
	<i>Всего</i>	<i>126</i>	<i>134</i>	<i>26</i>
Семья	Якутия	8	2	1
	Чукотка	0	3	0
	<i>Всего</i>	<i>8</i>	<i>5</i>	<i>1</i>
Дом	Якутия	20	19	4
	Чукотка	1	4	3
	<i>Всего</i>	<i>21</i>	<i>23</i>	<i>7</i>
Отсутствие реакции	Якутия	155	153	28
	Чукотка	43	46	23
	<i>Всего</i>	<i>198</i>	<i>199</i>	<i>51</i>

Прежде всего обращает на себя внимание, что респонденты, высоко оценивающие важность региональной идентичности ( $n=657$ ), демонстрируют значительно большее разнообразие концептуализаций малой родины по сравнению с большой. Доминирующей категорией становится «Место, где родился и вырос», которая фиксируется в 126 случаях (19,2%) среди тех, для кого региональная идентичность «очень важна», и в 134 случаях (21,5%) среди оценивающих ее как «важную». Эта темпоральная категория, связывающая территорию с личной биографией, оказывается наиболее универсальной: она сохраняет относительно высокую частоту даже среди респондентов с низкой важностью региональной идентичности (26 случаев или 19%).

Вместе с тем, особенно показательным является соотношение конкретных и абстрактных упоминаний региона как малой родины. Конкретное название своего региона (Якутия или Чукотка) встречается у 164 респондентов, в то время как абстрактное определение региона – только у 80. Анализ распределения этих категорий по степени важности региональной идентичности выявляет следующую закономерность. Среди тех, кто конкретно назвал свой регион малой родиной, 79 человек (48%) считают очень важным осознавать себя жителем региона, 67 (41%) – просто важным, и только 17 (10%) – неважным. Для абстрактных определений региона пропорции несколько иные: 32 (40%) – очень важно, 41 (51%) – важно, 5 (6%) – неважно. Таким образом, конкретное название региона чаще связано с максимально выраженной региональной идентичностью, в то время как абстрактные формулировки характерны для более умеренной позиции.

Региональная специфика этого феномена особенно интересна. Так, в Якутии конкретные упоминания региона составляют 95 случаев, а абстрактные – 62, что дает соотношение примерно 3:2. В Чукотке же при 69 конкретных упоминаниях фиксируется только 18 абстрактных – соотношение почти 4:1. Более высокая доля абстрактных определений в Якутии, как нам кажется, свидетельствует о большей рефлексивности регионального самосознания, когда респонденты не просто называют свой регион, но осмысливают само понятие региональной принадлежности.

Важно отметить, что среди якутян, использующих абстрактные определения региона, преобладают те, кто считает региональную идентичность просто важной (34 из 62), а не очень важной (21 из 62). По нашему мнению, абстрактное мышление о регионе как малой родине характерно для более сбалансированной, менее эмоционально окрашенной региональной идентичности. В Чукотке малое количество абстрактных определений не позволяет делать статистически значимые выводы, но общая тенденция сохраняется.

Существенное место в концептуализации малой родины занимают категории более локального уровня. Конкретные населенные пункты упоминаются 43 раза в пространственно-конкретном блоке и 180 раз в пространственно-абстрактном, что суммарно составляет 15,5% всех ответов. При этом абстрактная



категория «Населенный пункт» демонстрирует четкую положительную корреляцию с важностью региональной идентичности: от 93 упоминаний (14,2%) при максимальной важности до 19 (13,9%) при минимальной. Такая картина подчеркивает, что для значительной части респондентов малая родина ассоциируется именно с локальным, а не региональным уровнем территориальной принадлежности.

Социальные категории концептуализации малой родины представлены значительно богаче, чем в случае большой родины. Категория «Дом» фиксируется 52 раза, демонстрируя относительно равномерное распределение между группами с высокой и средней важностью региональной идентичности (21 и 23 упоминания соответственно). «Семья» как малая родина упоминается 14 раз, преимущественно респондентами с высокой важностью региональной идентичности. Полученные результаты указывают на существование альтернативной модели осмысления малой родины через призму приватного пространства и близких социальных связей, что контрастирует с публично-территориальным пониманием большой родины.

Региональные различия в структуре ответов весьма показательны. В Якутии наблюдается большее разнообразие способов концептуализации малой родины, включая частые упоминания районного уровня (52 абстрактных и 9 конкретных против 3 абстрактных в Чукотке). Якутяне также чаще используют темпоральные определения, связанные с местом жительства предков (16 против 2). В Чукотке же ответы более сконцентрированы вокруг регионального уровня и места рождения, что отражает особенности миграционных процессов в регионе, где преобладает приезжее население, ориентированное на временное пребывание и последующий отъезд «на материк» (Коломиец, 2020: 208). Такая миграционная специфика объясняет меньшую укорененность в локальных территориальных сообществах и отсутствие межпоколенческих связей с конкретными местами проживания.

Анализ ответов респондентов, считающих региональную идентичность неважной, обнаруживает интересную особенность: они не отказываются от концепта малой родины как такового, но определяют его преимущественно через личный опыт («место, где родился и вырос») или абстрактные категории, избегая конкретных территориальных привязок, что говорит о том, что отрицание важности региональной идентичности не означает отсутствия локальных привязанностей, но меняет способ их вербализации.

В целом, полученные данные свидетельствуют о многоуровневой структуре представлений о малой родине, где биографические, территориальные и социальные компоненты переплетаются в сложные конфигурации. При этом уровень важности региональной идентичности влияет не столько на наличие или отсутствие концепта малой родины, сколько на способы его вербализации и уровень территориальной конкретизации.

Сопоставление паттернов концептуализации большой и малой родины выявляет существенное различие в их когнитивной репрезентации. Если большая родина тяготеет к унифицированным государственно-ориентированным вербальным категориям, демонстрируя относительную гомогенность представлений, то малая родина характеризуется выраженной гетерогенностью и многоуровневостью. Для малой родины характерно сосуществование различных моделей концептуализации: от конкретно-территориальной (регион, район, населенный пункт) через темпорально-биографическую (место рождения и взросления) до социально-приватной (дом, семья).

Особенно показательно, что корреляция между важностью региональной идентичности и содержанием концепта малой родины оказывается менее линейной и более сложной, чем в случае с российской идентичностью. Это может объясняться тем, что региональная идентичность в полиэтничных северных регионах представляет собой не единый конструкт, а скорее констелляцию различных форм территориальной и социальной принадлежности.

\* \* \*

Проведенное исследование выявило существенный разрыв между декларируемой важностью территориальной идентичности и способностью респондентов вербализовать содержание ключевых территориальных концептов. Этот разрыв проявляется асимметрично на разных уровнях территориальной принадлежности и имеет выраженную региональную специфику.

Наиболее согласованная картина наблюдается в отношении российской идентичности и концепта большой родины. Респонденты, высоко оценивающие важность гражданской принадлежности к России, демонстрируют предсказуемую тенденцию к государственно-ориентированной концептуализации большой родины. При этом сила корреляции имеет градиентный характер – чем выше декларируемая важность российской идентичности, тем чаще страна упоминается как большая родина.

Принципиально иная картина обнаруживается при анализе региональной идентичности и концепта малой родины. Здесь связь между декларативным и вербальным уровнями оказывается нелинейной и многовекторной. Высокая оценка важности региональной идентичности не приводит к доминированию какой-либо одной модели концептуализации малой родины. Вместо этого наблюдается сосуществование различных способов осмысления локальной принадлежности: от конкретно-территориальных до биографически-темпоральных и социально-приватных. Показательно, что концепт малой родины не имеет выраженного политико-административного характера. Даже среди респондентов с высокой региональной идентичностью только 16,8% ассоциируют малую родину с территорией региона в целом. На первый план выходят более локальные и личностно значимые образы: конкретные населенные пункты, место рож-

дения и взросления, дом и семья. Данная гетерогенность указывает на то, что малая родина осмысливается преимущественно через призму непосредственного жизненного опыта, а не через политические или административные категории.

Межрегиональные различия подтверждают влияние социокультурного контекста на формирование территориальной идентичности. В Якутии обнаруживается более сбалансированное соотношение региональной и российской идентичностей, что коррелирует с большим разнообразием способов концептуализации как большой, так и малой родины. Напротив, в Чукотке доминирование российской идентичности сопровождается более унифицированными и менее разнообразными представлениями о родине.

Еще одним интересным моментом является высокая доля респондентов, не способных вербализовать содержание концептов родины, несмотря на декларируемую важность территориальной идентичности. Треть опрошенных не смогли предложить никакой концептуализации большой или малой родины, причем этот показатель остается высоким даже среди тех, кто считает соответствующие идентичности очень важными. Этот феномен, вероятно, указывает на противоречие между эмоциональной значимостью территориальной принадлежности и ее когнитивной проработанностью в сознании респондентов.

Таким образом, обнаруженный разрыв между декларативным и вербальным уровнями территориальной идентичности демонстрирует ограниченность исследований, опирающихся исключительно на прямые вопросы о ее важности, поскольку они фиксируют эмоциональную значимость, но не раскрывают степень когнитивной проработанности идентификационных процессов. Эмоциональная привязанность к территории и способность концептуализировать эту привязанность представляют собой различные психологические феномены, которые могут развиваться независимо друг от друга. В этом контексте использованное в нашем исследовании сочетание социологических опросных методов с психолингвистической техникой субъективной дефиниции существенно расширяет аналитические возможности, позволяя не только измерить декларируемую важность территориальной принадлежности, но и оценить глубину ее осмысления, выявить содержательное наполнение и внутреннюю структуру территориальных концептов. Такая методологическая комплементарность создает основу для изучения не только того, что люди говорят о своей идентичности, но и того, как они способны ее осмыслить и вербализовать, что важно для понимания подлинной глубины и устойчивости социальных идентификаций.

#### **Конфликт интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

#### **Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interest.

## ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Васильева О.В. Конфигурация доминирующих идентичностей на Северо-Востоке России: к вопросу о цивилизационной специфике Российского государства // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 82–99. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>
- Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
- Данилов И.А., Степанова Ю.Г. Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 3. С. 25–42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42>
- Дробижеева Л.М., Арутюнова Е.М., Бравин А.Д., Валиахметов Р.М., Габдрахманова Г.Ф., Заитова Т.М., Ирназаров Р.И., Кузнецов И.М., Макарова Г.И., Мусина Р.Н., Мухарямов Н.М., Перебоева М.А., Рыжова С.В., Сагитова Л.В., Хилажева Г.Ф., Ходжаева Е.А., Щеголькова Е.Ю., Ямаева Л.А. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.: Политическая энциклопедия, 2013.
- Дробижеева Л.М., Рыжкова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 116–135.
- Коломиец О.П. Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4(93). С. 207–214. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214>
- Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
- Мокин К.С., Барышная Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство (сравнительный анализ Саратовской области, Республики Кабардино-Балкария и Республики Южная Осетия) // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
- Рой О.М. Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2024. С. 211–226.
- Томаска А.Г. Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 37–50. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.

## REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. (1995) *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.)
- Danilov I.A., Stepanova Yu.G. (2025) Small and big homeland in the linguistic consciousness of residents of Russia's Northeast. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. Vol. 14. No. 3: 25–42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42>. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Bravin A.D., Valiakhmetov R.M., Gabdrakhmanova G.F., Zaitova T.M., Irnazarov R.I., Kuznetsov I.M., Makarova G.I., Musina R.N., Mukharya-

mov N.M., Pereboeva M.A., Ryzhova S.V., Sagitova L.V., Khilazheva G.F., Khodzhaeva E.A., Shchegolkova E.Yu., Yamaeva L.A. (2013) *Civil, ethnic and regional Identity: yesterday, today, tomorrow*. Drobizheva L.M. (ed.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M., Ryzhkova S.V. (2010) Russian identity and interethnic tolerance. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension*. Moscow: Novyy Khronograf Publ.: 116–135. (In Russ.)

Golovneva E.V. (2013) Regional identity as a form of collective identity and its structure. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research]. No. 5: 42–50. (In Russ.)

Kolomiets O.P. (2020) Features of modern migration processes in the Far Northeast of Russia (Chukotka variant). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Management in the East of Russia]. No. 4(93): 207–214. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214> (In Russ.)

Mikhaylov V., Runge Y. (2019) Identification of man. Territorial communities and social space: experience of conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>. (In Russ.)

Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2023) Territorial identity: structure, boundaries, reproduction (comparative analysis of Saratov Oblast, the Republic of Kabardino-Balkaria, and the Republic of South Ossetia). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>. (In Russ.)

Roy O.M. (2024) Territorial identity of Russian society: from local fragmentation to civic consensus. In: Rudenko V.N. (ed.) *Philosophical understanding of historiographical and prospective tasks of modern public law: Collection of academic papers*. Ekaterinburg: UrO RAS Institute of Philosophy and Law Publ.: 211–226. (In Russ.)

Shmatko N.A., Kachanov Yu.L. (1998) Territorial identity as a subject of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 94–98. (In Russ.)

Tomaska A.G. (2023) Features of identities of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 4: 37–50. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>. (In Russ.)

Vasilyeva O.V. (2025) Configuration of dominant identities in Russia's Northeast: revisiting the issue of civilizational specificity of the Russian state. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 59: 82–99. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>. (In Russ.)

**Сведения об авторе:** Данилов Игорь Альбертович, младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (677027, ул. Петровского, 1, Якутск, Российская Федерация); <http://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, e-mail: [igor\\_danilov\\_2000@mail.ru](mailto:igor_danilov_2000@mail.ru)

**About the author:** Igor A. Danilov, Junior Research Fellow of the Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Petrovskiy St., Yakutsk 677027, Russian Federation); <http://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, e-mail: [igor\\_danilov\\_2000@mail.ru](mailto:igor_danilov_2000@mail.ru)

Поступила в редакцию / Received 1.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 16.09.2025

Принята к публикации / Accepted 3.10.2025